

КРАСИВЫЕ КОНЦЕПЦИИ И УПРЯМЫЕ ФАКТЫ (Критические размышления над книгой: Нефедов С.А. История России. Факторный анализ)

BEAUTIFUL CONCEPTS AND STUBBORN FACTS (Critical review on the monograph Nefedov S.A. The History Of Russia. Factor analysis)

G. Popov

Annotation

This article is a review-essays on the work of S. Nefedov "The History Of Russia. Factor analysis. Vol. 1. From Ancient times to the Great Trouble". The review contains criticism of S.A. Nefedov work, at the same time, it highlights the controversial subjects of Russian history in Ancient times and Middle ages. In particular, considers the problems of historical development of Kievan Rus' and Russia in Mongol period. The author of the review casts doubt on the validity of Neo-Malthusianism concept of Russian history.

Keywords: Neo-Malthusianism, researchs of S. Nefedov, historical process, history of Russia in the middle ages.

Попов Григорий Германович

К.э.н., доцент,

Московской академии экономики и права,

Ст. преподаватель Российского

государственного гуманитарного

университета

Аннотация

Настоящая статья является рецензией-рефератом на работу С.А. Нефедова "История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты". Рецензия содержит критику работы С.А. Нефедова, в то же время в ней освещаются спорные вопросы истории России в Древности и в Средние века. В частности, рассматриваются проблемы исторического развития Киевской Руси и Руси монгольского периода. Автор рецензии ставит под сомнение обоснованность неомальтузианской концепции истории России.

Ключевые слова:

Неомальтузианство, работы С.А. Нефедова, исторический процесс, история России в средние века.

В современной российской исторической науке широкое распространение получили исследования, в которых исторические факты "притягиваются" к популярным ныне на Западе научным концепциям. Так, например, Б.Ю. Кагарлицкий интерпретирует российскую историю "периферийной империи" при помощи мир-системного анализа И. Валлерстайна, а Б.Н. Миронов анализирует успехи и провалы российской модернизации XVIII–XX вв. при помощи методов физиологической экономической истории а la P. Фогель.

Ничего "криминального" в таком освоении идей западной исторической науки, конечно, нет. Однако когда не теория вырастает из фактов, а факты подбираются под определенную априорную концепцию, то всегда есть опасность того, что факты начнут "подгонять" (по принципу "если факты противоречат теории, то тем хуже для фактов").

Этой тенденции в современной отечественной исторической науке способствует повышенная толерантность к зарубежному обществоведению: если в советские времена теории "буржуазных идеологов" априори брали на подозрение, то в постсоветское время западные теории также априори часто воспринимают как истину конечной инстанции. Нормальная культура освоения новых идей, предполагающая их обязательную критическую проверку и уточнение, пока еще не вполне сложилась.

Ярким проявлением метода "притяжения" фактов к теории является новая "История России" известного современного российского историка С.А. Нефедова. В этой книге предложена интерпретация истории России с древнейших времен до XVII в. на основе сразу трех популярных концепций исторической макросоциологии:

- ◆ концепции культурных кругов (диффузионизма), разработанной Ф. Гребнером и активно развиваемой У. Мак-Нилом,
- ◆ концепции демографических циклов Дж. Голдстоуна (ее часто называют неомальтузианской) и
- ◆ концепции военных революций М. Робертса, которая также получила развитие в работах У. Мак-Нила.

С.А. Нефедова периодизирует историю России до Смуты XVII в. по стандартной схеме: древность до времен Рюрика, изначальные три века истории Киевской Руси, русские княжества в составе Золотой Орды и период Московского царства. В "Истории России" в самом начале открыто заявлена методологическая установка: "Мы стараемся шаг за шагом проследить основные моменты истории Киевской Руси, Золотой Орды и Московского царства с тем, чтобы найти объяснение происходивших

событий в рамках современных социологических теорий" [11, с. 8].

Автор данной статьи хотел бы поделиться некоторыми критическими соображениями по поводу предложенного С.А. Нефедовым взгляда на закономерности российской истории, обращая внимание на некоторые спорные утверждения, связанные, главным образом с демографическими и военно-технологическими аспектами экономической истории.

Русская равнина до Рюрика

Рассматривая дорюриковскую древность юга будущей Руси, Нефедов начинает с событий IV–III тыс. до н.э., когда шла "бесконечная война скотоводов и земледельцев". Оседлым земледельцам трипольской культуры противостояли полуседлые индоевропейские скотоводы. Перелом в их противоборстве произошел, когда индоевропейцы освоили боевую колесницу. Индоевропейская культура боевых топоров, воинственная и враждебная земледельцам трипольской культуры, перешла в решительное наступление, уничтожив трипольские города и завоевав всю Европу [11, с. 38–39].

Однако есть доказательства на базе археологических исследований еще середины прошлого века, что индоевропейцы длительное время мирно уживались с другими культурными типами людей. Проследить четко, связано ли напрямую появление признаков культуры боевых топоров с военными вторжениями индоевропейцев или же они есть следствие заимствований, не представляется сегодня возможным. Фактом является то, что автохтонное население Европы вовсе не исчезло, продолжая оставаться на своем месте и после появления культуры боевых топоров.

Утверждение С.А. Нефедова, что трипольская культура была полностью уничтожена индоевропейцами, есть гипотеза, имеющая под собой зыбкую основу. Ведь признаков того, что трипольцы вели крупные войны с кем-либо, пока что археологами не обнаружено. Однако доказано, что трипольцы изобрели колесо и приручили лошадь в одно и то же время либо раньше, чем жители Ближнего Востока. Таким образом, у трипольцев-земледельцев были все шансы дать достойный отпор менее развитым индоевропейцам-скотоводам. Возможно, что последние есть какая-то периферийная часть трипольской культуры, а не ее военно-политический оппонент. На эту мысль наводит нас тот факт, что распространение культуры боевых топоров шло преимущественно в сторону северо-западных областей Европы, слабо затрагивая Балканы. Такое впечатление, что представители культуры боевых топоров стремились уйти в северные леса, а не освоить плодородные южные территории, что было характерно для более поздних культур, образовавшихся в

Северном Причерноморье и около него.

Нефедов в ключе концепции военных революций утверждает, что пришедшие из степей за Днепром индоевропейцы победили почти все народности древней Европы, применив кавалерию в сочетании с боевыми колесницами [11, с. 39]. Давайте подумаем, могло ли так быть. Жившие в лесах древние европейцы, включая и трипольцев, наверняка были хорошими стрелками из лука. В условиях поросшей лесом местности кавалерия и, тем более, колесница обладают весьма ограниченными возможностями для маневра. Лучникам было достаточно убить лошадей, чтобы нейтрализовать воинов, вооруженных луками и каменными топориками. Позже сарматы вынуждены были именно из-за этой проблемы изобрести броню для боевых лошадей.

Отряды индоевропейцев не могли быть очень многочисленными, ведь это не имперские войска времен Кира Великого или Батыя. Две-три сотни мужчин – видимо, это и есть обычная численность индоевропейского отряда. В то же время крупные поселения трипольцев насчитывали (как пишет сам С.А. Нефедов [11, с. 36]) 10–15 тыс. человек; соответственно, из них мужчин должно было быть порядка 2,5–3 тысяч. Известно, что североамериканский индеец XIX в. мог выпустить до 10 стрел из лука за одну минуту. В таком случае за одну минуту ополчение крупного трипольского города могло осыпать дружину индоевропейцев 25–30 тыс. стрел, чего вполне достаточно, чтобы полностью уничтожить эту дружину.

Нефедов пишет, что трипольцы долго воевали с предками индоевропейцев [11, с. 38], то есть, земледельцы противостояли на протяжении нескольких поколений кочевникам. Но за это время, если конница действительно оказалась столь эффективной, трипольцы в ответ должны были бы создать что-то вроде своей кавалерии, чего в реальности не произошло. Таким образом, предпринятая С.А. Нефедовым попытка объяснить историю взаимоотношений трипольцев и индоевропейцев при помощи концепции военных революций представляется не очень удачной.

Весьма спорным выглядит и утверждение С.А. Нефедова, что праславяне образовались в лесостепной полосе в эпоху скифов [11, с. 59]. Это – гипотеза Б.Н. Рыбакова [16], подвергшаяся активной критике еще в 1980-е годы. Черняховская культура, которую в советской историографии некоторое время относили к протославянскому составу. Во всяком случае, у древних авторов мы нигде не можем найти четкое указание на существование славян ранее V–VI вв. н. э. Лишь с эпохи Великого переселения народов можно определенно говорить об истории славян.

Анализируя раннюю историю славян, С.А. Нефедов

рассматривает их как людей, полностью лишенных политической инициативы: то ими правят булгары–утигуры, то они полностью выполняют волю аваров, то они подчинены хазарам [11, с. 69–80]. Представляется, что на самом деле славяне играли более активную роль в истории раннего средневековья. Рассмотрим подробнее только один сюжет – про аваро–славянские отношения.

По летописным материалам можно четко установить зависимость славянского племени дулебов от Аварского каганата. Разумеется, многие славянские племена платили какое–то время дань аварам, но что (как утверждает Нефедов со ссылкой на некоторых раннесредневековых авторов) они были превращены в боевых рабов, вызывает большие сомнения.

Набеги на Византию совершались славянами до авар, при них и после них преимущественно по собственной инициативе, никто насильно не гнал за Дунай славянские дружины. То, что, как пишет Нефедов, авары переместили некоторые славянские племена на территории нынешних Польши и Восточной Германии, – это гипотеза, граничащая с фантазией. У нас нет прямых летописных свидетельств, что авары покорили словен – союз племен, живший на территории современной Румынии [2, с. 210–211]. Авары лишь изгнали с насиженных мест словен–лендзян во время своего марша в Паннонию, но опять–таки нет четких данных о полном подчинении этого племени. О столкновении хана Баяна с подкарпатскими славянами (предками чехов, словаков и отчасти поляков) вообще ничего не известно [2, с. 213].

Спровоцированное аварским походом 566 года н.э. (марш в Паннонию, которая была дарована византийскими императорами аварам) переселение славян на территорию современной Польши вообще носило странный характер. Во–первых, славяне (точнее. полуславяне, то есть венеда) там жили и до того. Во–вторых, переселение словен в долины Вислы и Одера из земель, некогда затронутых аварским нашествием, имело "мужской" характер, то есть, переселялись мужчины–воины. В–третьих, переселение носило преимущественно мирный характер. Если бы авары насильственно перемещали славянские племена из бассейнов Днестра и Прута на территорию современной Польши, то имели бы место столкновения, но археология не подтверждает факта таковых [2, с. 219]. Правда, в одной польской легенде, о князе–завоевателе Немеже, нашло свое отражение насильственное подчинение венеда словенам, но в ней ничего не говорится об аварях. Немежа в легенде назван потомком родоначальника славян Слава [2, с. 220].

Историкам точно известно подчинение аварам моравов, хотя характер этого подчинения не до конца определен [2, с. 231]. Что же касается предков чехов и лужицких сербов, то они сумели отстоять свою независимость в результате создания оборонительного союза "белых хор–

ватов" во второй половине VI в. [2, с. 232] (хорваты тогда жили на территории современной Чехии). Таким образом, наступление аваров на северо–запад ограничилось бассейном верхнего и среднего течения Влтавы.

Далее, С.А. Нефедов берет на веру определенную средневековыми хронистами численность аварского войска в 60 тыс. человек. Однако авары едва ли насчитывали столько даже после покорения Баяном болгар и алан. Сошлемся на следующий факт: в 560–е гг. авары в своем марше в Паннонию постарались обойти земли словен, чей князь Добрыта перед этим убил их послов, просивших у него дани [2, с. 210]. Словенский союз племен мог выставить максимум 10 тыс. легковооруженных пеших воинов. Будь у Баяна реально хотя бы 20 тыс. всадников, он легко разгромил бы войско Добрыты; однако у аварского хана не было, по всей видимости, и половины от этого числа. Таким образом, у авар не было реальной военной силы для покорения славян или даже их значительной части.

Кстати, византийский летописец Менандр так излагает ответ Добрыты послам аварского кагана: "Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашей землей, а мы чужой привыкли обладать". Так что представление о раннесредневековых славянах как о мирных народах, которых не покорит только ленивый, видимо, не совсем соответствует историческим реалиям.

Норманнский вопрос

Являясь сторонником норманнской теории генезиса Киевской Руси, автор рецензии не может обойти вниманием то обстоятельство, что версия образования Киевской Руси изложена С.А. Нефедовым во многом на основе дореволюционной историографии. В его изложении, мирные "простаки–славяне" противопоставлены хорошо вооруженным завоевателям–викингам, которые завоевали страну славян, основав Киевскую Русь и постепенно ассимилируясь среди завоеванных. Следуя концепции военной революции, автор "Истории России" представляет славян почти беспомощными против норманнских агрессоров, которые беспрепятственно шли на Восток, в то время как на Западе, по Нефедову, скандинавов гнали рыцари.

На самом же деле еще до аварского нашествия анты служили в византийской армии, являясь федератами империи. Как пишет и сам Нефедов, у хазарского кагана было целое подразделение воинов–славян. Следовательно, славяне задолго до викингов были неплохо знакомы и с военной тактикой цивилизованных народов, и с современным (по тем временам) вооружением.

Остановимся подробнее на чисто военных аспектах

норманнской проблемы. Нефедов утверждает, что кольчуги и мечи норманны заимствовали у франков [11, с. 93], воевать с которыми они успешно не могли, так как последние обладали рыцарской конницей.

В действительности кольчуга появилась в Восточной Европе – регионе, близкому к Скандинавии, – еще в VIII в. [17, с. 237] (именно кольчуга, а не ее прототипы, созданные еще скифами). Мечи появились у скандинавов в IV в. н.э. или даже, вероятнее всего, раньше, так как в IV в. н.э. для проживавших тогда в Ютландии англов это уже было массовый тип вооружения, им был оснащен каждый третий воин [19]. На массовое распространение мечей среди германской знати Северной Европы указал историком клад в Ejsbol'e (Южная Дания). В то время Ютландия тесно контактировала в торговом и культурном аспектах со Скандинавским полуостровом. Кроме того, мечи были обнаружены также в Торсбьерге (Дания); рядом с мечами в этом захоронении были найдены золотые виры – указание на социальную дифференциацию в среде древних скандинавов и выделение военного сословия [5, с. 96]. Данное захоронение датировано примерно 300 г. н.э. Другое скандинавское захоронение в Хьертспринге датировано примерно 200 г. н.э., и там были наряду с мечами обнаружены 20 кольчуг [5, с. 79].

В остальных аспектах вооружение, военная организация и тактика скандинавов сформировалась задолго до эпохи викингов – по всей видимости, под воздействием римской культуры. К примеру, на территории Швеции шлемы появились в начале VI в. н.э., если судить по захоронениям военной знати (однако, вероятно, скандинавы пользовались ими и ранее). Конструкция обнаруженного в Швеции шлема VI в. очень напоминает его римский аналог.

Если скандинавы задолго до викингов были знакомы с римскими вооружением и, значит, тактикой, то это означает расширение греко-римского культурного круга далеко на север и наличие у северных народов более высокого уровня развития, нежели это считалось ранее. В частности, скандинавы еще до эпохи викингов использовали на войне лошадей, о чем свидетельствуют находки в захоронениях [5, с. 79]. Скандинавские статуэтки всадников датируются еще эпохой, предшествовавшей викингам; всадники изображены также на рисунках, содержащие сцены войны [5, с. 101]. Таким образом, к VIII в. скандинавы несильно отличались от франков эпохи Меровингов.

Обратимся теперь к другому аспекту версии норманнского завоевания славян – колонизации.

Нефедов рассматривает скандинавские вторжения как "мужские" переселения либо просто грабительские набеги. По мнению известного британского скандинависта Питера Сойера, скандинавская колонизация Руси со-

впала по времени с появлением скандинавских колоний в Англии. Сойер утверждает, что колонии скандинавов на Руси все-таки были, правда, он не уверен, что таковые были многочисленны [18, с. 243]. Это означает, что норманны переселялись семьями. Сойер писал в основном о массовой скандинавской экспансии в Британии и Шотландии. Однако у нас есть все основания утверждать, что таковая имела место и относительно Великолукской равнины. Именно так позволяют нам думать раскопки норманнских женских погребений в Пскове и Гнездове [6; 9]. Норвежцы и датчане в силу чисто географических причин стремились осесть на Британских островах, а шведы обратили свои взоры на земли финнов, балтов и славян. Если датско-норвежская агрессия против Англии и Шотландии совпала с эпохой викингов, то экспансия шведов на Великолукскую равнину и земли балтов, вероятнее всего, началась раньше (если верить сагам об Инглиндах).

Ассимиляция норманнов на Руси со славянами через браки с их женщинами есть версия дореволюционной историографии, которой строго придерживается Нефедов [11, с. 112]. Но возникает вопрос, почему браки скандинавских мужчин на славянках не могли привести к обратному результату – ассимиляции скандинавами вост. славян? Другой аспект проблемы – переселения скандинавских женщин на Русь, она тоже могла дать эффект образования стойкого скандинавского этнического элемента в древнерусском обществе.

Анализ ДНК указывает на низкую генетическую связь скандинавов с современными русскими, населяющими Северо-Западные регионы России. У псковичей процент скандинавской галлогруппы I1 оказался ниже, чем у чувашей! В Смоленской области, где были обнаружены знаменитые курганы Гнездова, только около 2% жителей являются носителями ген норманнов, что тоже меньше, нежели у мордвы и чувашей.

Говорит ли это об отсутствии скандинавских колонизации и завоевании? Нет. Дело в том, что население Северо-Западной Руси в XV–XVII вв. и ранее неоднократно несло большие потери от войн, голода и эпидемий. То же самое можно сказать и о Смоленске.

Наибольший процент носителей скандинавской галлогруппы обнаружен в Вологодской области – 18% жителей, прошедших анализ. Это близко к показателям западной Англии и атлантического побережья Франции. 10–11% галлогруппы I1 обнаружено у жителей Костромы, Пензенской, Ивановской и Тамбовской областей; это – территории, непосредственно находящиеся в зоне Волжского торгового пути.

Вероятно, наивысшая концентрация скандинавских колонистов пришлась на Верхнее Поволжье, южный берег Онежского озера и Новгород. По всей видимости,

здесь до образования Киевской Руси генетическое смешение норманнов с местным населением имело достаточно масштабный характер, если почти у каждого десятого мокшанца (одна из народностей мордвы) из обследованных на ДНК присутствует галлогруппа I1.

Тот факт, что в Новгороде и Пскове – одно из наименьших количеств носителей скандинавской галлогруппы, указывает нам на своего рода крупномасштабный геноцид коренного населения этих городов и прилегающих к ним областей в средние века (вспомним хотя бы разорение Новгорода опричниками при Иване Грозном и шведами во время Смуты начала XVII в.). Вологодская же область находилась в стороне от больших войн и не подвергалась так сильно, как Новгород, репрессиям московских царей, поэтому ее первоначальный генофонд сохранился наиболее полно. Примечательно, что процент носителей скандинавских генов среди жителей вологодской области даже выше, чем среди населения западных районов Эстонии и Таллинна, которые были под властью либо контролем датчан, а затем шведов вплоть до окончания Северной войны, почти 800 лет. Много коренных новгородцев было выведено Иваном III в Рязань, из-за чего, вероятно, среди жителей Рязанской области тоже сравнительно часто встречается характерная для норманнов галлогруппа.

Носителями скандинавских генов являются 7,5% обследованных чувашей. Они, в отличие от новгородцев и псковичей, не подвергались жестким репрессиям со стороны Московского государства, а в монгольский период находились в Золотой Орде, как и мордва, на особом, привилегированном, положении. Мордва и чуваше не были объектом частых набегов крымских и казанских татар, что позволило им относительно неплохо сохранить в средние века свой генофонд. Поэтому относительно высокий показатель наличия среди них скандинавской галлогруппы (почти столько же, сколько у жителей севера Шотландии [23]) подтверждает нашу гипотезу о ранней колонизации Поволжья скандинавами.

Почему же присутствие норманнов на Руси исчезает в конце X в., после чего мы знаем о них только как о наемниках русских князей? Вероятно, на Руси произошло уничтожение большей части викингов и их массовое изгнание за пределы страны. Нечто подобное произошло в Англии в 1002 г., когда британцы в день святого Брикция вырезали несколько тысяч норманнов по всей стране. Не исключено, что гибель Святослава и его преимущественно норманнской дружины от рук печенегов было акцией, заранее подготовленной в Киеве. Примечательно, что летопись не сообщает о мести печенегам со стороны киевской знати за уничтожение Святослава и его дружины. Есть также свидетельства, что во время крещения Руси Владимир Святитель подавил антихристианское выступление в Новгороде, убив многих его жителей. Поскольку Новгородская земля была старой зоной скандинавской

колонизации, эту новгородскую "разборку" (когда "Добрыня крестил мечом") также можно считать эпизодом изгнания викингов.

Демография Киевской Руси

С.А. Нефедов настаивает на высокой демографической динамике Киевской Руси: по его мнению, демографический цикл привел к истощению ресурсов развития сельского хозяйства к середине XII в., в результате чего накануне монгольского нашествия разразилась (прежде всего, на Новгородчине и Смоленщине) демографическая катастрофа – голод, эпидемии, восстания, упадок экономики.

Доказывая быстрый рост населения в XI–XII вв., автор "Истории России" опирается на исследования советского периода, в основе которых лежал подсчет количества сел [11, с. 124–125].

Проблема заключается в том, что села нередко забрасывались полностью либо частично, таким образом, один род за 100 лет мог сменить 2–3 поселения. Внутренние миграции населения в киевский период были усилены половецкими набегами и природными катаклизмами. Концентрацию деревень вокруг городских центров Верхнего Поволжья можно объяснить чисто хозяйственными причинами – снабжение городов удобнее осуществлять с близкого расстояния. Точно также на ранних этапах монгольского периода будет происходить "окружение" крупных монастырей и княжеских усадеб деревнями, хотя демографического роста тогда на Руси не было.

Другой причиной роста сел являлась концентрация населения, когда в отдельных районах Руси крестьяне переходили от хуторского хозяйства к деревенскому укладу. Этот процесс был связан с деятельностью князей: Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский специально строили большие села, куда на добровольной основе либо насильственно собирали челядь. То же самое происходило в Южной Руси, где челядь (пленных) пригоняли на Вольнь и в окрестности Киева даже из Польши и Литвы, что было частью процесса окняжения земель (поскольку земля без крестьянина не имела никакой экономической ценности).

Для Московской области и Волго-Окского междуречья у нас есть другие данные по исторической демографии XI–XIII вв., противоречащие версии Нефедова и официальной советской историографии, на которую он опирается. Большинство городов на территории нынешней Московской области было основано в монгольский период. Археологические данные позволяют полагать, что славянская колонизация территории между Серпуховым и Москвой началась не ранее 1150 г. и не имела массового характера. Даже вокруг Суздаля, княжеской резиден-

ции, славянские поселения носили гнездовой характер вплоть до середины XII в. [14, с. 8]. Раскопки слоев XII–XIII вв. в Дмитрове показали, что русские крестьяне использовали в этом районе орудия труда, предназначенные для расчистки дикого леса, то есть, этот район Волго–Окского междуречья не был еще полностью освоен к моменту монгольского нашествия [14, с. 10].

Оценка населения Руси в 12 млн. человек на начало XIII в. есть гипотеза Петра Толочко, повторенная Нефедовым. Однако она, по нашему мнению, далека от действительности. Реальный средний темп прироста численности населения у европейских народов в средние века оценивают примерно в 7,5% за столетие. В таком случае, если население Киевской Руси насчитывало в конце X в. примерно 2 млн. человек, то к концу киевского периода оно должно было быть лишь на 200–300 тыс. больше, и то если не принимать во внимание демографическую катастрофу конца XI в. (великая засуха).

Выведенный нами прирост средневековых европейских стран (включая и Киевскую Русь) в 7,5% нетрудно проверить на примере Франции. Нам известно, что население Франции в 1715 г. насчитывало 16 млн. человек, а в 1000 г. – примерно 9 млн. [20]; соответственно, прирост составил приблизительно 75%. Но здесь надо принять во внимание иммиграцию и присоединение новых территорий. Эльзас и Лотарингия – бывшие имперские земли – дали Франции в конце XVII в. большой прирост численности ее населения. К тому же 9 млн. человек для Франции начала XI в. – это максимальная оценка, данная Урланисом. В реальности же, вероятно, население было на один–два миллиона меньше. Таким образом, 7,5% – вполне обоснованная оценка столетнего прироста численности населения средневекового общества. Население Киевской Руси не могло расти быстрее, нежели население Франции, климатические условия которой являлись более благоприятными.

Таким образом, изложенная С.А. Нефедовым концепция демографических циклов Руси определенно дает трещину.

Монгольский лук и великие завоевания

Военно–технологические концепции, включая и концепцию С.А. Нефедова, отводят монгольскому луку ключевую роль в монгольских завоеваниях: "эффект появления нового лука был таким же, как эффект появления огнестрельного оружия" [11, с. 144]. Но здесь есть ряд спорных моментов, над которыми стоит подумать. Если народы Европы и Азии не имели никаких средств противодействия этому "супероружию", то почему тогда монголы не дошли вообще до Атлантики? Почему монголы все-таки терпели поражения (например, от египетских мам-

люков)? Мог ли монгольский лук пробить любые доспехи?

Монголы имели на вооружении так называемые композитные луки. Сам тип такого лука не был в те времена уникальным – искусством изготовления этого оружия владели византийские, русские, турецкие и индийские мастера. Западноевропейские воины использовали тисовые луки, более простые в конструкции, но с прицельной стрельбой только в 30 метров, что в 1,5 меньше, чем у композитного лука. Предполагается, что сила натяжения английского лука могла достигать 70 кг, но редко кто из британцев был в состоянии так натянуть лук, стандартная сила натяжения составляла лишь 35 кг.

Надо отметить, что британцы (особенно валлийцы) с детства тренировались стрельбе из лука, точно так же делали и монголы. Однако Нефедов, как и ряд других авторов, считает, что руки у монгольских мужчин были сильнее, поэтому сила натяжения монгольского лука обычно составляла более 50 кг.

Мы не можем сейчас точно сказать, насколько мускульная сила рук кочевников превосходила европейскую мускульную силу. Однако мы можем определить пробивную силу монгольского лука на основе опытных испытаний его почти полного аналога – турецкого лука времен Османской империи.

Турецкий лук в состоянии пробить доску толщиной в 1,25 см с расстояния 100 метров, при этом наконечник торчал на примерно 8 см. Выпустить стрелу с расстояния более 100 метров так, чтобы она имела пробивную силу, проблематично даже для очень сильного человека. Во времена Чингисхана только единицы из числа монгольских воинов во время соревнований могли прицельно послать стрелу на расстояние 270 м, причем мишенью служила тонкая кожаная ткань. Соответственно, чтобы пробить доспех, восточному лучнику требовалось подойти к противнику на расстояние 50–80 метров, однако тогда он оказывался в поле поражения даже простого европейского лука. При этом надо учесть, что для поражения доспеха стрела должна была быть снабжена утяжеленным наконечником.

Вместе с тем, некоторые европейские спортсмены прошлого века достигали почти такого же результата, что и монголы времен Чингисхана, – дальности стрельбы легкими стрелами на 265 метров [13, с. 30]. В то же время мы знаем из произведений Шекспира, что прицельный выстрел на 260 метров считался нормой для английского дворянина XVI века [13, с. 31]; правда, пробивная сила такого выстрела была, вероятнее всего, незначительной. Получается, что средневековый британец мог стрелять не хуже монгола эпохи Чингисхана, даже не тренируясь постоянно целыми днями (фехтование для английского дворянина считалось более важным делом). А ведь шекспировские дворяне были уже почти современ-

ными людьми, достаточно привыкшими к комфорту. Валлийцы либо венгры XIII в. могли стрелять наверняка не хуже, если не лучше и, получается, были в состоянии выступать на равных в стрельбе с монгольскими лучниками. Судя по описанию осады Москвы 1382 г., монголы могли прицельно стрелять не более чем на 170 метров, то есть, они в конце XIV в. уже уступали английским дворянам XVI в.

Возникает вопрос: как же привыкший к комфорту цивилизованного человека английский лорд мог превзойти по стрельбе из лука монгольского кочевника? Ответ прост – регулярное питание. Средневековый монгол не всегда имел доступ к такому благу, как регулярное потребление горячей пищи. Образ жизни кочевников предполагает нередкие голодовки. Любому спортсмену или врачу скажут, что нерегулярное питание в сочетании с длительными периодами недоедания могут привести к ослаблению мышечных тканей у ребенка либо подростка. В современном мире эта проблема решается посредством диетологии и лечебной физкультуры, но монголы о таком и понятия не имели.

Получается, что эффективными стрелками могло стать меньшинство монголов. Как правило, это были "люди длинной воли" – профессиональные воины или бандиты (разница между тем и другим в средние века была небольшой либо вообще отсутствовала). Разумеется, численность "людей длинной воли" не могла быть значительной – одна-две тысячи человек на все монгольские племена. Кроме этой одной-двух тысяч эффективных стрелков, правда, были еще и простые лучники, но они ничем не превосходили своих китайских и персидских противников.

Европейские воины стреляли, как мы выяснили выше, не хуже монголов. К тому же венгерские и польские дворяне питались лучше кочевников, во всяком случае, регулярно. Плюс к этому, западные европейцы имели арбалет – оружие, наводившее ужас на византийцев и арабов еще во времена Крестовых походов. Правда, прицельную стрельбу из арбалета можно было вести на расстоянии лишь 60–65 метров, но зато пробивная сила этого оружия была выше, чем у лука. Некоторые искусные мастера создавали арбалеты, стрелявшие даже на 350 метров, но точность такой стрельбы была очень незначительной. Еще одним недостатком арбалета была медленность стрельбы – один выстрел в минуту, что в 5–6 раз меньше обычного английского лука [13].

По этим причинам арбалеты в основном применялись при штурмах и осадах крепостей, когда стрелок должен был максимально использовать укрытия. Другим тактическим приемом применения арбалета было скученное наступление больших масс стрелков, когда несколько тысяч арбалетчиков одновременно давали залп по противнику, поскольку в таком случае не требовалось тща-

тельно целиться в фигуру противника. Такой залп по скученной кавалерии мог за считанные минуты решить исход сражения.

Проведенные в 1918 г. испытания средневековых луков различных конструкций показали, что английский тисовый и татарский (монгольский) композитный лук могли иметь почти одинаковую дальность стрельбы, если из них стрелял один и тот же человек. Таким образом, не следует преувеличивать сравнительную эффективность монгольского лука и изображать его неким "супероружием". Вероятно, в победах монголов основную роль играл не столько лук как таковой, сколько оригинальная тактика использования конных воинов-лучников.

Другим аспектом проблемы противостояния военных инноваций Востока и Запада являются рыцарские доспехи. Здесь средневековый Запад продемонстрировал верх мастерства и заметно превзошел страны Востока. Крестовые походы научили европейцев серьезно относиться к бронированию своих воинов. К XIII в. западноевропейский воин уже имел двойной доспех: поверх кольчуги или под нее одевался еще доспех, обычно кожаный или войлочный. Это надежно защищало пехотинцев во время крестовых походов от арабских стрел. Сарацинский писатель Баха ад-Дин ибн Шаддад, придворный знаменитого Саладина, исходя из собственных наблюдений, писал, что доспехи крестоносцев непробиваемы для арабских стрелков. Это был тот самый случай, когда "броня победила снаряд".

Таким образом, латинский Запад имел хороший ответ на монгольский лук – военную инновацию Востока. Точнее говоря, он имел даже два ответа: арбалет и двойной доспех. А вот о Руси этого сказать, увы, нельзя.

Арбалеты на Руси были, но попадали они к русским преимущественно из Ливонии и Польши. Археологические находки показывают, что арбалетные болты встречаются более чем в 100 раз реже, чем обычные стрелы. К середине XIII в. арбалет оставался оружием бояр – военной элиты русского общества того времени [22]. Это означает, что при оборонительном бое в крепости русский воин мог полагаться только на стены, не имея возможности дать полноценный ответ нападающей стороне.

Доспехи русских воинов XII–XIII вв. мало чем отличались от доспехов западных рыцарей Первого Крестового похода. Как и западные европейцы конца XI в., простые русские воины были вооружены копьями и топорами, мечи принадлежали в основном знати [15]. Основной защитой служила кольчуга, которая плохо защищала от стрел и копий. Но даже она не была массово распространена среди русских воинов, основным видом защиты которых был так называемый "тягилай" – обычный толстый кафтан, заимствованный у кочевников [22]. Панцири начинают преобладать в русской кавалерии только при Иване

Грозном. (В отличие от русских, английские горожане и зажиточные крестьяне почти все имели в XII веке кольчуги [12, с. 234]). Пластинчатый доспех появился на Руси только в середине XIII в. Шлемы русских воинов не защищали лицо и шею, в отличие от шлемов западных рыцарей. Русские также долгое время не знали бронирования лошади, оно отсутствовало и в монгольский период.

Тактика русского боя оставалась вплоть до монгольского завоевания достаточно примитивной [22]. Русские в период княжеских междоусобиц не вели затяжных войн – конфликты обычно ограничивались одним столкновением в чистом поле. Судя по летописным рассказам, у русских до монгольского завоевания отсутствовала строгая тактика осады и обороны крепостей, последнее оказалось губительно для Северо-Восточной Руси во время нашествия войск Батыя. Русские не могли долго отсиживаться в крепости. Нередко они теряли терпение и "выбегали" за городской вал, чтобы сразиться с врагом в чистом поле (как это было, например, при осаде Козельска). Такой метод соответствовал понятиям чести русской аристократии того времени, но в бою с высокоорганизованным войском монгол он давал фатальный эффект.

В сочетании с дефицитом мужского населения, обескровленной княжескими междоусобицами Руси такое состояние военного дела не могло обеспечить шансы на сохранение независимости русских от народов Великой степи. На Западе, как мы видели выше, дела обстояли совсем иначе. Мусульмане тоже не теряли времени даром во время Крестовых походов и совершенствовали свои вооружение и военное искусство. Монголы остановились именно там, где им противостояли армии, принимавшие активное участие в войнах крестоносцев: в Палестине это были мамелюки, в Восточной Европе – рыцари.

Пороховая революция и средневековая Россия

Монгольский лук, по С.А. Нефедову, сделал значительную часть Руси восточной страной, затем пушки и аркебузы повернули ее сперва лицом к Турции, которая одной из первых эффективно освоила огнестрельное оружие, а потом на Запад, где использование огнестрельного оружия совершило полную революцию в военном деле. Словом, русская история, как флюгер, крутилась то туда, то сюда.

Разумеется, нельзя отрицать фактор заимствований зарубежного опыта при организации вооруженных сил Московским государством. Об этом в свое время писал, например, советский историк М.Г. Худяков, когда анализировал причину победы Московского государства в борьбе с Казанским ханством. Именно Худякову принадлежит идея, что Иван Грозный перестраивал свои воору-

женные силы по турецкому образцу [24, с. 129].

Как и в монгольский период, вооружение, тактика, организация и состав войск Московского государства развивались преимущественно медленно и эволюционно. Возьмем хотя бы дворянское сословие, в котором Нефедов видит аналог турецкой поместной конницы. Во-первых, нечто подобное существовало еще в Византийской империи, задолго до турок. Почему же тогда киевские, владими́ро-суздальские и первые московские князья не перенимали из Византии поместную систему и службу с землей? Во-вторых, первых дворян мы встречаем еще в войске Василия II, но, очевидно, они были уже у Василия I, словом, задолго до Ивана III, с реформами которого Нефедов тесно ассоциирует образование дворянства.

Не ясен вопрос: было ли дворянство первой половины XV в. поместным? Например, историк Ю.А. Лимонов считал, что дворяне как социальная группа сформировались в XI в., а поместья за службу они стали получать во второй половине XII в. [8]. В.И. Буганов обнаружил первых дворян уже в IX в.: дворянство, как институт, по его мнению, появилось в русских землях вместе с Рюриковичами, наряду с ним существовала страта милостников – лиц, получавших имущество от князя за службу. Милостники, как полагал Буганов, были сменены дворянами в последней четверти XII в.; соответственно, поместное землевладение, по его мнению, появилось на Руси в XIII в.; поместная же система оформилась, как считает Буганов, в конце XV в. [3]. На появлении дворянского поместного землевладения в монгольский период настаивает И. Фроянов [21]. Того же мнения, что и Фроянов, о временных рамках образования поместного дворянства придерживался Г.В. Вернадский: он считал, что условное землевладение, или служба с земли, документально прослеживается в духовной грамоте Ивана Калиты. Резкий рост численности помещиков-воинов (то есть уже дворян в привычном для нас понимании) пришелся, по мнению Георгия Вернадского, на вторую четверть XV в. – период первой крупной смуты в Московском государстве [4]. А.А. Зимин утверждал, что вотчинное землевладение было сплошь условным [7, с. 36]. По Зимину получается, что служба с земли появилась еще в монгольский, если не в киевский периоды.

В.И. Буганов и отстаивавшие схожие концептуальные идеи М.Н. Тихомиров и М.Б. Свердлов консолидируются с С.А. Нефедовым в вопросе временных рамок образования именно системы поместного землевладения, поскольку до XV в., как они полагают, поместное землевладение не было четко кодифицировано. Р.Г. Скрынников – один из самых на сегодня авторитетных исследователей эпохи Ивана Грозного – считает, что отношения дворян с монархом в Московском государстве вплоть до конца XVI в. носили договорной характер. Скрынников полагает, что о дворянстве, как о страте общества, едва ли можно говорить вплоть до середины XVI века. Если следовать ут-

верждениям Скрынникова, то ключевое воздействие на формирование дворянства оказали реформы Ивана Грозного, но не Ивана III, и, тем более, дворянство не могло стать противодействующей боярству стратой, так как фактически не была таковой вплоть до времен Ливонской войны.

Таким образом, спор о том, кем же реально были русские дворяне до конца XVI в., из каких слоев общества формировалась данная социальная страта, и на каких условиях они служили монархам, не прекращался на протяжении XIX и XX вв.; в принципе, он не прекращен до сих пор [10].

Дворянство, как считали многие дореволюционные и советские историки, было до XVII в. низшим слоем служилой иерархии в Московском государстве [10], и трудно сказать, какую определенную роль оно играло в войнах на разных этапах развития Московского государства. Кавалерия, которой в войнах средневековья часто отводилась ключевая роль, присутствовала в войсках русских князей практически всегда. В дохристианский период роль кавалеристов в русском войске выполняли союзные номады. После X в. они сохранили это значение, но к ним добавились конные дружинники и бояре. Кавалеристы определенно были и в городских ополчениях.

Эффективность поместного дворянства как альтернативы городским ополченцам и боярам вызывает сомнения. До реформ Иоанна III и Ивана Грозного в русских землях существовала служилая страта детей боярских, которые составляли ядро русской кавалерии. Нельзя сказать, что дружинники, дети боярские и наемные номады были менее эффективны, нежели созданные последними Рюриковичами отряды поместных дворян и, тем более, опричники, а именно на этом настаивает Нефедов.

А.А. Зимин видит деградацию боярства и страты детей боярских в дроблении наследственных вотчин – аналог западноевропейских аллодов [7]. Таким образом, в Северо-Восточной Руси XVI в. мы видим не военную революцию, вызвавшую к жизни статическую монархию и закрепощение сословий, а элементарную неспособность мелкого и среднего боярства выполнять военные функции из-за дробления наделов. Однако это не могло вызвать серьезного политического давления на верховную власть в Московском государстве, так как обедневшие бояре могли переходить в другое социальное состояние – становиться, к примеру, теми же дворянами, либо превращаться в боевых холопов богатых бояр, либо утрачивать какой-либо вообще определенный социальный статус. Вместе с тем, дробление боярских вотчин не могло иметь кардинальных последствий для вооруженных сил Московского государства, так как его монархи уже давно приспособились заменять один вид войска на другой. В случае с Иваном III и Иваном Грозным, это были наемники из степей, литовско-русские бояре и набранные

из городских низов бойцы – именно эти страты сыграли ключевую роль в исторических событиях второй половины XVI в.

Осаждавшие в 1552 г. Казань войска Ивана Грозного имели разноплеменный состав, куда входили и десятки тысяч местных татар, мордовских воинов, а также казаки, которые в XVI в. играли ключевую роль в обороне московских рубежей от набегов кочевников. Следует подчеркнуть, что казаки вовсе не были дворянами – они имели примерно тот же статус, что и служившие киевским князьям племена номадов. Вероятнее всего, за счет своих дипломатических усилий и тонкой политической игры правительству Ивана Грозного удалось объединить против Казани многие племена различных народностей Поволжья. Московское войско насчитывало при осаде Казани в 1552 г. около 150 тыс. человек, причем служилые помещики не составляли, возможно, и десятой доли от этого числа. Казанское ханство смогло противопоставить Ивану Грозному только 33 тыс. воинов (в основном ополченцев). При таком соотношении сил исход войны явно был предreshен.

* * *

С 1980-х гг. до недавнего времени отечественная историческая макросоциология находилась в младенческом состоянии; сейчас уже можно говорить о ее первых (часто – довольно неуклюжих) шагах. Хотя 1990-е гг. с их слепым поклонением всему американскому давно прошли, в российской науке по-прежнему делаются попытки интерпретировать сложную отечественную историю при помощи механического применения западных концепций. На примере "Истории России" мы видим опасности этого метода, когда спорные гипотезы выдаются за неопровержимые факты (как, например, при изложении аварских походов в Восточную Европу и при анализе роли монгольского лука).

В то же время "История России" показывает возможность качественно новых подходов к пониманию российской истории. Скажем, длительное время считалось, что Русь потерпела поражение от монгольских завоевателей в силу политической раздробленности. Латинская Европа, как почти в один голос утверждали советские историки, была спасена русской кровью, поскольку, дескать, орда Батые ослабла в боях с русскими войсками. Монография С.А. Нефедова позволяет нам по-другому взглянуть на те события: Русь сильно отстала в военно-техническом отношении от своих соседей и не могла поэтому стать эффективным буфером против монголов и образованных ими в дальнейшем в Поволжье и Причерноморье государств.

Вероятнее всего, именно достижения Запада в вооружении и экипировке воинов сделали невозможным продвижение монголов по латинской Европе. Разумеется, на

эту тему можно много спорить – военное противостояние феодальной Европы и тюрко–монгольского мира есть новое и очень интересное поле для специализированных исследований.

В целом, на наш взгляд, новая работа С.А. Нефедова заслуживает большого внимания, однако только в качестве начальной попытки макросоциологического анализа истории средневековой России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. 449 с.
2. Алексеев С.В. Славянская Европа V–VI вв. М.: Вече, 2008. 448 с.
3. Буганов В.И. Российское дворянство // Вопросы истории. №1. 1994. С. 29–41.
4. Вернадский Г.В. История России. Россия в средние века. Тверь, Москва: ЛЕАН – АГРАФ, 1997. 187 с.
5. Дэвидсон Х.Д. Древние скандинавы. Сыны северных богов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 186 с.
6. Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездово // Смоленск и Гнездово. М., 1991. с. 200–225.
7. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально–политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.
8. Лимонов Ю.А. Владимиро–Суздальская Русь. Л.: Наука, 1987. 213 с.
9. Михайлов А.В. Камерное погребение Старовознесенского II раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара 2005 г. Псков, 2006. с. 37–45.
10. Михайлова И.Б. Служилые люди Северо–Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб.: Издательство С–Петербургского университета, 2003. 464 с.
11. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 1: С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Издательский дом "Территория будущего", 2010. 376 с.
12. Норманн А. Средневековый воин. Вооружение времен Карла Великого и крестовых походов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 288 с.
13. Пейн–Голлуэй Р. Книга арбалетов. История средневекового метательного оружия. М.: Центрполиграф, 2008. 224 с.
14. Попов Г.Г. Некоторые города Волго–Окского междуречья в XII – XIV вв. по данным археологических экспедиций 1930 – 1940–х гг., к вопросу о характере развития Северо–Восточной Руси в монгольский период // Вестник Московского областного университета. Серия "История и политические науки". 2009. №4. С. 7–12.
15. Потапов А. Русский ратный обычай. М.: Издательство "Ладога–100", 2006. 184 с.
16. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979. 158 с.
17. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 792 с.
18. Сойер П. Эпоха викингов. СПб.: Издательство "Евразия", 2002. 352 с.
19. Тернер Ш. История англо–саксов с древнейших времён до нормандского завоевания. Интернет–издание: http://britanniae.ru/reconstr/sharon_turner/sharon-turner_3_8.htm
20. Урлианис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., ОГИЗ–Госполитиздат, 1941. 436 с.
21. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально–политической истории. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1980. 256 с.
22. Шпаковский В., Николе Д. Русская армия 1250–1500 гг. М.: АСТ, 2006. 59 с.
23. Штрунов А. Происхождение гаплогруппы I1–M253 в Восточной. Европе // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). 2010. Vol 2. No 1. P. 68–79.
24. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: "ИНСАН", 1991. 320 с.

© Г.Г. Попов, (GGPopov2009@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Традиции. Инновации. Успех!

ИИБО